

Л. А. Калинин

МОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО
МОРАЛИЗМА —
ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА
В РОЖДЕСТВЕННОЙ
СКАЗКЕ Э. Т. А. ГОФМАНА
«МАСТЕР БЛОХА»

Статья 2¹

Показано, что Э.Т.А. Гофман оценивал посленаполеоновскую политику Пруссии в своей рождественской сказке «Мастер Блоха» с кантианских философско-политических позиций. Кардинальная проблема сказки, представленная в «Hallegorischem und Jena-logischem» стиле, как его определил сам Гофман, есть проблема конституционного строя для Пруссии.

This paper shows that E. T. A. Hoffmann assessed the post-Napoleon politics of Prussia in the Christmas tale "Meister Floh" from a Kantian perspective. The cardinal problem of the tale – shown in the "Hallegorisch und Jena-logisch" manner, as Hoffmann himself defined his style – is the problem of a constitutional system in Prussia.

Ключевые слова: моральная политика, политический морализм, демагогия, качество населения, категорический императив права, деспотия, правление отеческое (*imperium paternale*), правление отечественное (*imperium patrioticum*).

Key words: moral politics, political moralism, demagogu, quality of population, categorical imperative of law, despotism, paternal government (*imperium paternale*), patriotic government (*imperium patrioticum*).

3. Кто же главный герой?

Ich trage im Sinn ein artiges Weihnachtsbüchlein zu schreiben...

(Я вынашиваю в душе одну милую рождественскую книжицу...)

*Из письма Э. Т. А. Гофмана издателю
Ф. Вильмансу от 10 марта 1820 г.*

Последнее большое произведение Э.Т.А. Гофмана «Мастер Блоха» («Meister Floh») — совершенно исключительное создание его сатирического гения. Литературное мастерство писателя достигло здесь своего апогея. У нас эта сказка известна как «Повелитель блох». Так величал сам себя Мастер Блоха, сравнивая

¹ Продолжение. Начало см. Калинин Л. А. Моральная политика против политического морализма — политическая сатира в рождественской сказке Э.Т.А. Гофмана «Мастер Блоха». Статья 1 // Кантовский сборник. 2011. 3 (37). С. 33–43.

свою власть над блошиным народом с королевской, но заявляя при этом, что она совсем другой природы, а потому куда более сильная, чем королевская: она базируется на личном авторитете, уважении и желании подражать Мастеру. Лишь на первый взгляд кажется, что название «Мастер Блоха» (как и «Повелитель блох») достаточно далеко от сути произведения, на деле же оно соединяет в себе две важнейшие нити содержания: политическую и философскую. Кто-кто, а Гофман вполне адекватно оценивал в условиях тотальной борьбы с демагогией опасность затрагиваемых им вопросов и действовал обдуманно и хладнокровно: он использовал для злободневной политической сатиры самый невинный из литературных жанров — рождественскую сказку. «Meister Floh» имеет подзаголовок «Небылица в семи приключениях двух друзей», и *небылица-быль* облечена автором в многоплановую аллегорическую и трагедийную форму, для чего понадобился, как мы уже видели, буддизм с его мифологическими конструкциями. В произведении создан сложный художественный мир, в котором иносказание играет основную роль, внешняя же, сюжетная линия повествования — как карнавальная маска — чем интереснее, чем загадочнее сама по себе, тем основательнее скрывает под собою подлинное, спрятавшееся под маской лицо.

Два друга, о которых идет речь, — это, конечно, Перегринус Тис и Мастер Блоха. На первый взгляд, называться этим другом Перегринуса Тиса все права имеет Георг Пепуш. Он был дружен с Перегринусом по крайней мере со студенческих лет, и дружба эта продолжалась до самого дня свадьбы Перегринуса с Розочкой Лэммерхирт. Однако роль Пепуша — по сути, второго плана. Лишь однажды, в наказании принца пиявок, активный поступок его существенно влияет на общий ход дел, хотя и тут еще не ясно, заслуживает ли он права называться одним из главных героев. Даже с формальной точки зрения Георг Пепуш принимает участие не во всех семи приключениях. И самим названием сказки Гофман подчеркивает, кто же этот второй друг. Хотя весь сюжет сказочной повести строится вокруг Перегринуса Тиса и его похождения: от изобретательного зачина в рождественский сочельник до счастливого свадебного финала — Мастер Блоха не просто равноправный с ним герой, он может быть признан даже главным героем. Находясь все время в тени Перегринуса, он вмешивается в события в их поворотных моментах, значительно влияя на развитие авантюрного действия и тем самым выполняя ответственные функции. О статусе героя свидетельствует и заглавие художественного произведения.

Роль в сказке как самого Мастера Блохи, так и блошиного народца, лучшим представителем и руководителем которого является Мастер, может восприниматься как занимательная, придуманная автором ради эпатирования читателей, что, конечно же, так. Но если задуматься над вопросами: с какой целью Дертье Эльвердинк (она же Алина и принцесса Гамахея)² всеми правдами и неправдами стремится завладеть Мастером Блохой?

² Факт этого тождества является одним из ключевых: «...можно было обойтись без точного описания наружности прекрасной Алины, Дертье Эльвердинк или принцессы Гамахеи, — благосклонному читателю ведь давно известно, что это одно и то же лицо, только мнимо распавшееся на три лица...», — разъясняет Гофман, акцентируя на этом внимание «благосклонного читателя», делая вид, что не очень надеется на его догадливость и вдумчивое чтение [2, с. 382].

или почему жизненная сила вливается в принцессу вместе с блошиными укусами? — а автор очень хочет, чтобы такие вопросы были читателями заданы, — то эпатаж приобретает дополнительный смысл и предстает в ином свете.

Действие происходит в славном городе Франкфурте-на-Майне, т.е. в Гессене, и при сравнении *блех* с гессенцами последние много проигрывают «прыгунам». Если бы гессенцы были подобны блохам *качеством населения*, как сказали бы сегодня, не произошло бы и то, что случилось в сказке. Счастливей и радостней была бы их деятельная жизнь в условиях свободы и равенства, а Перегринус Тис, заявившись к Лэммерхиртам в рождественский сочельник, уже к концу святок обвенчался бы с Розочкой Лэммерхирт, и дело кончилось бы веселой свадьбой. Автору же не выпал бы «прекраснейший случай практически показать на примере Перегринуса всю *бесконечную разницу* (курсив мой. — Л. К.) между влюбленностью и любовью» [2, с. 469].

Надо здесь специально обратить внимание на то обстоятельство, что мир сказочный и мир действительный, жизнь буддийского мифа и жизнь реальная образуют единое целое. Это не два вневременных мира, а один мир, проявляющийся в различных или, скорее, кажущихся различными акциденциях. Уж начто Перегринус?.. — Самое посюстороннее, самое реальное лицо в произведении Гофмана. Но и о нем Антон ван Левенгук, забравшийся в сказку из XVII в., сообщает, изучив его гороскоп: «*Несомненным* было для меня давнее предсуществование вашей души, но все же предшествующие вашей теперешней жизни воплощения оставались в полном мраке» [2, с. 447]. Читатель не должен отделять сказку от были.

В конце концов счастливое бракосочетание все равно состоялось; влюбленность влюбленностью, а жизнь не стоит на месте, развивается по своим собственным законам, лишь «откладывая» на большее или меньшее по историческим меркам время решение назревших социально-политических задач.

Что же это за блошинный народ, и в чем его особые качества? Стоит принять во внимание все то, что о нем говорится, и становится ясно, что речь идет о студенчестве, о студенческих корпорациях и спортивных союзах. Мастер Блоха, рассказывая Перегринусу о своем народе, обращает внимание на молодость и бойкость последнего, «одушевленность почти неукротимым свободолюбием» [2, с. 384], легкомысленность, ветреность и отважность нрава [2, с. 475], сообщает далее, что его народ «во многих отношениях далеко опередил вас, людей, в прозрении тайн природы, в силе и ловкости, как духовной, так и телесной» [2, с. 386]. Особенно Мастер подчеркивает, повторяя это несколько раз, что большую часть блошинный народ «состоит, собственно, из одних только легкомысленных *прыгунов* (курсив мой. — Л. К.)», смелых и дерзких [2, с. 384, 475].

Не вызывает сомнений, что прототипом Мастера Блохи является профессор физической культуры и гимнастики Фридрих Людвиг Ян, который в иной культурной и политической среде мог стать человеком-легендой и который, без сомнения, был кумиром студенческой молодежи. Он создавал спортивные гимнастические общества, которые позднее объединил в спортивную организацию «Немецкий союз». Вдохновленный патриотическими речами И.Г. Фихте, призывавшими немцев стряхнуть с себя пыль французской оккупации, Ф. Ян ставил перед союзом задачу формирования могучих, быстрых и ловких немецких богатырей, способных выносить боль-

шие физические нагрузки и лишения, и в то же время благочестивых, жизнерадостных и готовых послужить отчизне. Такие молодые люди становились прекрасными солдатами. Как только прусский король разорвал условия договора с Наполеоном и присоединился к антинаполеоновской коалиции, они вступали в ряды народного ополчения и армию.

Э.Т.А. Гофман не прошел мимо этого обстоятельства в своей сказке, продемонстрировав военную выpravку и выучку блох: «С великим изумлением зрители наблюдали, как на гладко отполированном беломраморном столе блохи возили маленькие пушки, пороховые ящики, обозные фургоны, другие же прыгали подле с ружьями на плече, с патронташами за спиной, с саблями на боку. По команде... выполняли они труднейшие эволюции, и все это казалось и веселей, и живей, чем у настоящих больших солдат, потому что маршировка состояла в изящных антраша и прыжках, а повороты налево-направо — в ласкающих глаз пируэтах. Все войско обладало удивительным апломбом, а полководец казался в то же время и искусным балетмейстером» [2, с. 363–364]. Однако даже такое войско, напоминает Гофман, потерпело катастрофический разгром. Он имеет в виду, очевидно, сражения под Люценом, Бауценом, Дрезденом, проигранные Наполеону бездарными прусскими генералами.

Двуличный король Фридрих Вильгельм III никак не препятствовал деятельности Ф. Яна и его «Немецкого союза» в условиях французской оккупации, однако в обстоятельствах начавшейся реставрации донаполеоновских порядков, в атмосфере реакции и преследования «демагогов» союз был немедленно запрещен, а профессор арестован. Он никогда не скрывал своих патриотических взглядов и считал, что расцвет физической культуры возможен и непременно наступит при республиканском образе правления. Ф. Ян поддерживал демократические настроения и социальную активность студенчества как полезные для интересов родного отечества. «Я должен формировать свободных людей» [8, с. 313], — говорил он. Но какие-то «демагогические происки», запретная деятельность были ему абсолютно чужды. В своем письме на имя Королевской непосредственной следственной комиссии от 28 сентября 1819 г. он писал: «Мне ничего не известно о демагогических происках, я не понимаю даже, что значит сие выражение, и не знаю, какой языковой фальшивомонетчик чеканил это название. Но в чем я могу искренне и чистосердечно заверить Вас, так это в том, что никоим образом не связан с тайным или публичным обществом, каковое имело бы целью перемены в государстве. Я не являюсь соучастником или сообщником какого-либо антигосударственного заговора» [8, с. 299].

Ф. Л. Ян превратился под пером Гофмана в трагический образ Мастера Блохи не в последнюю очередь вследствие того, что он стал известен как спортивный специалист, активно внедрявший как особый вид физических упражнений гимнастические прыжки. Этот «отец гимнастического движения» прослыл «знаменитым мастером прыжка и маха». В ходе следственного дела о «демагогии» Ф. Яна Гофман услышал о нем небольшой анекдот, который позднее записал, и охарактеризовал в нем подсудимого как «известнейшего специалиста по прыжкам, скачкам и гимнастике...» [4, с. 1233]. Предметом анекдота стал обычай Яна не соблюдать чопорный профессорский вид, носить свободную, не стесняющую движений одежду, этот его нонконформизм чрезвычайно льстил студентам, но шокировал публику.

Прыгучесть Мастера Блохи, в отличие от руководимых им блох, в сказочной повести специально не обыгрывается. Прыгуны — излюбленный перифраз Гофмана, когда он обращается к блошиному народу. Скорее Гофман выделяет ученость и мудрость Мастера Блохи, знание им людей, понимание общего состояния дел в мире³; опирается здесь великий писатель, по всей видимости, на идиоматический строй немецкого языка: *die Flöhe husten hören* — *все видеть и слышать*, буквально — *слышать, как блохи кашляют*, или *er hört die Flöhe husten* — *он во все проникает, он всеведущ*. И если с прыгучестью связана политическая интрига сказки, то с мудростью — ее философская идея. Недаром Перегринус дивится, что это «маленькое, крохотное, обыкновенно презируемое насекомое выказывает ученость, ум и, наконец, даже чудесную магическую силу. И это насекомое говорит о вещах, непостижимых для человеческого разума, как о чем-то таком, что изо дня в день повторяется за блюдом жаркого или за бутылкой вина» [2, с. 491 — 492].

И прежде чем ответить на поставленные выше вопросы о сути взаимоотношений принцессы Гамахеи (она же Дертье Эльвердинк и Алина) и Мастера Блохи, нужно довольно многое пояснить.

4. Рождественская сказка в качестве политической сатиры

Если же вы чему-нибудь удивляетесь потому, что вам ничего такого еще не случалось встречать, или потому, что вам не удастся уловить связь между причиной и следствием, то это доказывает лишь врожденную или болезненную тупость вашего взгляда, которая вредит вашей способности познавать.

Но вы, вы, господин Перегринус, вы здесь — главное лицо, и без вашего согласия прекрасная Гамахея никому не может принадлежать.

Э.Т.А. Гофман. Мастер Блоха. Приключение пятое

«Уловить связь между причиной и следствием» в фабуле сказки «Мастер Блоха» современному читателю и впрямь не так-то легко. Тем, кто жил во времена написания ее, было, конечно, проще. Они могли сообразить, что речь идет об их собственном короле, а это, скорее всего, так, поскольку он никогда не был самостоятелен в своих действиях, всегда подражал кому-нибудь из окружавших его государей, будь то Наполеон Бонапарт или Александр I. Ему нужен был предмет почитания, а кто служил этим предметом — это определял не он, а обстоятельства. Сегодня он поклонялся одному, завтра — другому, послезавтра — снова этому одному, то есть это был весьма странный приверженец. В его буддийской ипостаси Гофман дал ему имя короля Секакиса (Sekakis). Sequacis на латыни означает *последующий* и может переводиться как *последователь, поклонник*. В момент написания сказки прусский «Секакис» был послушным сторонником политики австрийского канцлера Меттерниха и Александра I.

³ «...Должно заставить Вас признать во мне человека всеобъемлющей эрудиции, обладающего глубоким опытом во всех отраслях знания» [2, с. 385].

Между королем Секакисом и королем Фридрихом Вильгельмом III есть, правда, отличие, которое, на первый взгляд, мешает считать их одним и тем же лицом. Ведь у короля Секакиса пропала дочь — Гамахея (Gamaheh), произошла кажущаяся необъяснимой утрата, тогда как у Фридриха Вильгельма III никакая дочь в прямом понимании слова не пропадала. Однако все же это случилось! В условиях подъема национально-патриотического движения 1813 г. король торжественно и клятвенно обещал народу Пруссии вот-вот готовую родиться дочь. Здесь слово *дочь* — *метафорический перифраз* понятия *конституция*. Гамахея-конституция⁴ никуда не «сбегала из дворца», а была сознательно выпущена из королевских рук. Этот метафорический перифраз образует смысловой узел всей рождественской сказки.

Принцесса, пропавшая как и обещанная, но так и не осуществленная конституция, похищена, по сути дела, не у короля, а самим королем — у народа. Объявленная тотальная война с «демагогами», которыми являются даже самые лояльные граждане государства, подобные Перегринусу, есть следствие этого обмана народа, ожидавшего заслуженной свободы в условиях правового государства. Недаром искатель королевских милостей тайный советник Кнаррпанги сам понимает, и это Перегринус читает в его мозгу с помощью хитроумного блошиного микроскопа, что Перегринус обвиняется им в стремлении «похитить уже похищенную принцессу» [2, с. 403].

Прочитав сказку и все поняв, король и обрушивает свой гнев — от стыда никуда теперь не деться — на писателя-юриста, решив сгноить его в глухой прусской провинции. Можно ли не затрястись от ярости, читая о себе, что ты — король! — всего лишь какой-то мелкий самодержец, «имя которого издатель никак не может припомнить и о коем можно только сказать, что он постоянно нуждается в деньгах и что из всех государственных установлений, известных ему в истории, ни одно так ему не было по сердцу, как тайная государственная инквизиция, по образцу существовавшей некогда в Венеции» [2, с. 423].

Бесплотная, абстрактная государственно-правовая сущность — конституция (правда, под именами принцессы Гамахеи, Алины и Дертге Эльвердинк) обладает кармой и переживает три кармических состояния. В буддизме это удел только живых существ, но никак не понятий. И, может быть, отождествление этой дамы в трех лицах с конституцией — совершенно надуманное предположение? Абсолютно произвольная интерпретация?

На мой взгляд, Гофман позаботился о том, чтобы его правильно поняли. Были у Гамахеи «дивные дни в Берлине» [2, с. 454], дни, полные радостной надежды на переход из виртуального состояния в реальность. Однако довольно скоро с надеждой пришлось распрощаться. Конституция покидает Берлин, где она оказалась не ко двору, но обнаруживается в Фамагусте. Может показаться, да так часто происходит и на деле, будто писатель вос-

⁴ Привыкнув к явлению значимости многих имен гофмановских героев, я полагаю, что имя Gamaheh также не стало исключением и восходит к древнегреческому ὑψαῖος — *жениться*, ὑψαῖος — *свадьба* и междометию ηε (греч.) или heia (лат.). Тогда Gamaheh означало бы *ну, женись! ну, сватайся!* Конституция самим именем своим как бы подталкивает короля: ну, принимай же меня, будь решителен, не трусь. Если это вообще так, то изобретательности Гофмана нельзя не удивиться.

пользовался названием города, упоминаемого в восточных сказках, также как фамилия Пепуш случайно выбрана из словаря живших некогда музыкантов. Однако мы видели, что Чертополох-Пепуш получил свою говорящую фамилию у Гофмана намеренно, с обдуманной заранее целью. Так же и с Фамагустой. Можно рассудить так: встретилась сказочная Фамагуста Гофману в зингшпиле Клеменса Брентано «Веселые музыканты» — он этим и воспользовался. Но в том-то и дело, что Фамагуста начала XIX в. становится центром так называемого энозиса — национально-освободительного движения греков против турецкого владычества и воссоединения Кипра и других греческих территорий с Грецией, где во время подготовки Гофмана к написанию сказки (в марте 1821 г.) вспыхнула революция, подготовленная и, главное, вызванная действиями генерал-майора А. Ипсиланти, находившегося на русской службе. Видимо, он послужил для писателя прообразом такого эпизодического героя, как *гений Тетель*⁵. Имя и здесь объясняется латинским словом: *tutela* — *охрана, попечение, забота*, *tutelarius* — *хранитель, смотритель*, *tutelina* — *покровительница*. Потерпев поражение в одном из сражений с турецкими войсками, генерал Ипсиланти вынужден был вернуться в Россию, что и послужило для Гофмана поводом отправить Тетеля в Самарканд, куда конституция (Гамахея) могла попасть разве в качестве невидимого зернышка — семечка тюльпана. Какая уж конституция в реакционной самодержавной России? Тем более что же ожидать от бухарского эмира?

Восставшая Греция уже в январе 1822 г., когда Гофман активно писал свою сказку «Мастер Блоха», приняла демократическую республиканскую конституцию, так называемый *Эпидаврский органический статут*. Естественно, что в сказке Гамахея благоденствовала в Фамагусте, а не Эпидавре или Коринфе. Тем более не мог автор упомянуть местечко Пиладу, где, собственно, статут и был принят. Гофман и без того обвинялся в злостной демагогии и измене присяге.

Для современного читателя все эти события так далеки, что будь это Фамагуста, Бомбей или Александрия — все они воспринимаются только как восточные экзотические города, но в 20-х гг. XIX в. вся эта аллегория в виде Самарканда или Тетеля достаточно легко прочитывалась, «уловить связь между причиной и следствием» удавалось многим.

Теперь, после всех этих пояснений, становится понятным, почему Мастер Блоха всячески избегал встреч с Гамахеей-Эльвердинк и тем более не хотел оказаться в ее руках, хотя любовь к свободе всегда притягивала его к прекрасной Гамахее. Он с его «прыгунами» не хотел ввязываться в политику. Его занимало гимнастическое движение в качестве средства укрепления душевного и физического здоровья нации. Но и сторонником гогенцоллернского абсолютизма он тоже не был и потому совсем умереть всяким надеждам на республиканские свободы не давал, в критические моменты, грозившие Гамахее явной и немедленной смертью, целуя ее и вливая в нее поддерживающую дыхание кровь. Она же хорошо понимала, что столь ак-

⁵ Принцесса Гамахея говорит о нем, поддразнивая Георга Пепуша: «...тот прелестный офицер не кто иной, как гений Тетель, который мне, по правде говоря, куда больше нравится, чем мрачный колючий чертополох» [2, с. 380].

тивное, свободололюбивое и организованное «племя» — лучшая революционная сила. Завладеть Мастером Блохой означало — всегда держать эту силу «в руках наготове».

Но Мастер Блоха прятался за Перегринуса Тиса, простого обывателя, не лишённого прекраснодушных желаний лучшего, более благоприятного и удобного мира, но к активным сознательным действиям для его достижения не способного. Просветить Перегринуса, помочь ему правильно сориентироваться в жизни — это он всегда расположен был делать и делал. Однако для просвещения нужно время, и Мастер Блоха готов был ждать.

Значение Перегринуса и людей социального слоя мещан прекрасно понимала и Дертье Эльвердинк. Она ведь чувствовала, что пробуждает в Перегринусе если не любовь, то больше, чем симпатию, — «влюбленность». А поддержка людей, составляющих большинство в обществе, означала бы полное ее торжество. Еще более важно было сделать Перегринуса своим адептом, так как за ним стоял Мастер Блоха. Вместе они являлись бы неодолимой силой. Недаром Левенгук разъясняет Перегринусу: «Вы, сами того не подозревая, обладаете талисманом. Этот талисман и есть красный карбункул; возможно, что король Секакис носил его как драгоценный камень в своей короне или что сам он некоторым образом был карбункулом; во всяком случае, вы обладаете им теперь, но, чтобы пробудить его дремлющую силу, должно произойти одно событие, и тогда с пробуждением силы вашего талисмана *решится участь одной несчастной* (курсив мой. — Л. К.), которая до сей поры влачила тягостную призрачную жизнь между страхом и смутной надеждой» [2, с. 447 — 448].

Однако Перегринус и есть Перегринус: расшевелить его и сделать общественно активным не то что трудно — почти невозможно. Само его имя — *Peregrinus* — означает *несведущий, неопытный, чуждый миру*, то есть замкнутый в себе и своих частных интересах: *peregre esse* — *быть чуждым миру, оторванным от практических интересов и дел*. Душа такого человека далека от общественных действий и нужд — *animus est peregre*, то есть *душа вне мирских интересов, вне мира сего*. Э. Т. А. Гофман в своей оправдательной речи к сказке говорит, что «герой произведения, именуемый Перегринусом Тисом, — это почти по-детски наивный, очень застенчивый человек, избегающий женщин, однако случилось так, что именно на него пало подозрение в похищении» какой-то девушки, но на деле нигде никакая девушка из плоти и крови не пропала [8, с. 370].

Нелепое обвинение Перегринуса и его успешная защита перед судом — кульминация всей политической интриги рождественской сказки. Гофман называет своего героя Перегринусом, чтобы подчеркнуть его абсолютную аполитичность, а потому и поразительную несообразность обвинений, выдвинутых против него. Каждый рядовой гражданин кажется демагогом. Фактически, повторю это еще раз, конституция похищается у народа политикой короля, направленной на то, чтобы вытравить из *сознания* граждан всякое стремление к конституционным свободам. И в этом желании выхолостить сами души людей хороши все средства, цель их оправдывает.

Но ведь стремление к свободе, жажда ее живет в народе, в душах людей. Следовательно, возникает желание контролировать их, проникать в сознание и вытравлять из него любой зародыш идеи противостояния тоталитарной власти. И тут уже во весь рост встает философская проблема: мож-

но ли проконтролировать движения души, есть ли к этому какие-либо средства? Как проникнуть в мотивы, если они не нашли проявления в поступке? Проблема в равной мере как теоретическая, так и практическая.

5. Философия государства и права в рождественской сказке

Необычайно интересно следить за всеми вариациями игры текста и подтекста в гофмановской рождественской сказке. В ней мастерство автора «Крошки Цахеса» и «Житейских воззрений кота Мурра» достигает виртуозного уровня. Здесь, и, пожалуй, только здесь, Гофман-писатель и Гофман-юрист пребывают в полнейшей гармонии, даже если сравнивать «Мастера Блоху» с таким шедевром детективного жанра, как «Мадемуазель де Скюдери».

Гофман и сам подтверждает это суждение в своей оправдательной записке для короля, объясняя роль такого героя, как тайный советник Кнаррпант: «Замечу, что я использовал такую возможность для того, чтобы, как это невольно получилось, раскрыть две самые большие криминалистические ошибки; во-первых, когда следователь, не выяснив состава действительно совершенного преступления, проводит расследование наобум; во-вторых, если в душе у него утвердилось предвзятое мнение, от которого он не хочет отказываться и которое служит ему единственным руководящим принципом в делопроизводстве. Возникает вопрос о том, каким образом я додумался ввести эту юридическую казуистику в свою сказку? На это смогу ответить лишь, что каждый писатель не только не перестает быть представителем своей профессии, но *наслаждается, описывая ее* (курсив мой. — Л.К.)» [8, с. 371].

Редкостный случай слияния двух ипостасей Гофмана. Обычно судебская деятельность оказывалась надсадным препятствием на пути литературного творчества. Музыкального и живописного — конечно, тоже.

Вполне естественно, что Гофман ограничивает предмет юридической стороны сказки, как видно из приведенного фрагмента его оправдания, *криминалистикой*, тогда как суть произведения вовсе не в ней, а в государственно-правовой проблематике, точнее — в *философии* государства и права. Речь идет о таком государственном строе, который насаждается в Пруссии, сковывает творческие силы народа по рукам и ногам, а также о том, который исторически необходим для скорейшего решения стоящих перед прусским обществом проблем.

Совершенно очевидно, что во всех отраслях юриспруденции как универсальной науки о праве Э.Т.А. Гофман является кантианцем. Если еще в других вопросах эту философскую ориентацию писателя можно как-то оспаривать, то в этом отношении его философская квалификация очевидна и неопровержима. Вслед за Кантом он считает *свободу* граждан на любые мысли, слова и поступки, ограничиваемую только аналогичной свободой всех других граждан, то есть свободу, сообразную с *категорическим императивом права*⁶, абсолютно необходимой. Обеспечение этой свободы есть если

⁶ Кант определил категорический императив права следующим образом: «Итак, всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со *всеобщим законом*» [5, с. 140]. Последний «*всеобщий закон*» — это уже категорический императив морали, которому любая правовая норма должна соответствовать.

не единственная, то основная функция государства; оно может даже этой функцией и ограничиться. В этом случае государство существует *для граждан*, оно есть средство в их руках. Но может быть государство, предписывающее своим подданным *правильно жить*, то есть *правильно мыслить, правильно и только правильное говорить, правильно себя вести и поступать*, потому что без государства они не знают, что такое *правильно*. Здесь уже гражданине существуют *для государства* как объект его заботы и неусыпного попечения.

Иммануил Кант так описывает эти два способа государственного правления: «Правление (Regierung), основанное на принципе благоволения народу как благоволение отца своим детям, иначе говоря, *правление отеческое* (imperium paternale), при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно, и вынуждены вести себя только пассивно, дает решение вопроса о том, как они *должны* быть счастливы, ожидать от одного лишь суждения главы государства, а дабы он и пожелал этого — ожидать от одной лишь его доброты, — такое правление есть величайший *деспотизм*, какой только можно себе представить (такое устройство, при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в таком случае никаких прав). Не *отеческое*, а *отечественное* правление (imperium non paternale, sed patrioticum) — вот единственно мыслимое для правоспособных людей также и в отношении благоволения властителя. *Патриотическим* называется такой образ мыслей, когда каждый в государстве (не исключая и его главы) рассматривает общность как материнское лоно и страну свою как родную почву, на которой и из которой он сам вырос и которую он как драгоценный залог должен оставить после себя для того лишь, чтобы охранять права общности посредством законов совместной воли, а вовсе не считает себя правомочным подчинять ее своему безграничному произволу для использования. — Такое право на свободу принадлежит члену общности как человеку, поскольку он вообще правоспособное существо» [6, с. 79–80]. Этот достаточно большой фрагмент кантовского текста соответствует умонастроениям Гофмана — судьи и писателя в бытность его членом Непосредственной комиссии по расследованию антигосударственных связей и других опасных происков.

Патерналистское понимание государства разделялось многими писателями-романтиками, стремящимися к полной гармонии интересов государства и граждан, когда государство — это хорошо отлаженный и без сбоев работающий организм, а граждане — органы его, здоровье которых зависит от здоровья всего организма. В своих идеях государства как совершенного организма романтики опирались на немецкий идеализм — Фихте, Гегеля. Они хотели, чтобы государство, подобно тому как кровь проникает и питает в организме каждый орган, точно так же проникало в самую суть любого гражданина. Новалис, например, во фрагментах «Вера и любовь» пишет: «Каждый гражданин государства — его служащий. У него и доходы служащего». И продолжает развивать эту мысль еще более выразительно: «Большой недостаток наших государств — их почти не замечаешь. Нужно, чтобы государство было зримо во всем, чтобы каждый был отмечен как его гражданин. Не ввести ли мундиры и знаки отличия для всех?» [1, с. 48]. Эти же соображения о том, что «государства должно быть больше», характерны

для Ф. Шлейермахера и других представителей романтизма.

Э.Т.А. Гофман в этом вопросе — решительный противник романтических мечтаний. Он и тут, в вопросе о сущности и будущем государства, — антиромантик, сторонник *отечественной*, а не *отеческой* формы правления. Он понимал, что преследование «демагогов» — это стремление прусского государства контролировать не только поступки, но и мысли своих граждан. К чему ведет такая политика, он хорошо знал. Уже в сказке «Крошка Цахес» Гофман обращается к этой теме и показывает мертвящее действие тотального контроля. Предупреждение Канта о возможности подобного развития событий полностью оправдывалось, а он писал, что при угрозе патерналистским — читай феодальным — порядкам властям проще всего действовать «расторопно и убедительно»: «они вообще ликвидируют свободу мышления и подвергнут ее наравне с другими занятиями государственной регламентации» [7, с. 24–25].

На первый взгляд кажется, что ликвидировать свободу мышления — задача невыполнимая. Однако Кант придерживается совсем другого мнения: «...свободе мысли противопоставлено *гражданское принуждение*, — пишет он. — Хотя и утверждается, что властями может быть отнята свобода *говорить* или *писать*, но не свобода *мыслить*, но только сколько и насколько правильно мы *мыслили* бы, если бы не думали как бы сообща с теми, с кем *обмениваемся* своими мыслями! Итак, можно сказать, что та самая внешняя власть, которая лишает людей свободы *сообщать* свои мысли публично, отнимает у них вместе с тем и свободу *мыслить*...» [7, с. 22–23].

Борьба прусского королевского правительства с «демагогами» и есть борьба со «свободой мыслить», что Гофман и демонстрирует со всею возможной убедительностью. Образ великолепного тайного советника Кнаррпанги, в котором легко угадывался директор департамента полиции Карл Альберт фон Кампц, со рвением уничтожавший сам дух «демагогии», пренебрегая всеми криминалистическими и юридическими нормами, создан писателем в качестве сатиры на стремление искоренить в обществе способность к свободному мышлению. Это настоящий охотник за неподобающим образом мыслей, могущих возникнуть у прусских подданных. «Думание, полагал Кнаррпанги, уже само по себе, как таковое, есть опасная операция, а думание опасных людей тем более опасно» [2, с. 422].

Свою задачу он видит именно в вылавливании думающих людей, среди которых оказался и Перегринус Тис, рядовой франкфуртский обыватель, человек застенчивый и робеющий перед женщинами. Однако достоинств своего пола он не лишен, и возникает в нем естественная симпатия, даже «влюбленность», когда Гамахея (она же Дертье Эльвердинк и Алина) сама проявляет к нему интерес. Он вовсе не против конституции, скорее — даже очень за, но пусть она утвердится в мире сама собой. Проявлять какую-либо активность для этого — никогда не было и нет в его намерениях. Слово, данное Мастеру Блохе, хранить того подальше от Гамахеи, оказалось для него важнее любых влюбленностей.

Найти и поймать в свои сети как можно больше людей, пусть, подобно Перегринусу, невинных, и тем выслужиться — в этом деле Кнаррпанги необычайно усерден и изобретателен. Недаром прообраз его — Кампц — изображен Гофманом в романе «Житейские воззрения кота Мурра» злб-

ной дворянжкой по имени Ахиллес. Гофман раскрывает суть и этого своего героя, давая ему нарицательное имя. Можно заметить, что прием этот в сатирических произведениях универсален, и Гофман весьма изобретателен в построении имен своих героев. «По законам комического возникла эта карикатура, — поясняет Гофман, — которую я вывел под именем Кнаррпанти (*welches ich mit dem Namen Kna[rr]panti bezeichnet habe*)» [9, S. 208], и добавляет, что напрасно было бы искать оригинал ее на этой земле, что, конечно, с одной стороны, правда, а с другой — лукавство. Имя *Кнаррпанти* Гофман составил из двух латинских слов: *gnarus* — *знающий, сведущий* и входящего к греческому языку *panther* — *большая звероловная сеть*. Г и К — обычные чередования согласных в индо-европейских языках, и Гофман предусмотрительно им воспользовался: получилось нечто вроде *ловко владеющего ловчей сетью* или *умелого ловца зверей*; аналогично модели *gnarus rei publicae* — *знающий течение публичных дел, опытный политик*.

Ловкость этого охотника за якобы нарушающими законы людьми заключалась в том, чтобы ловить в свои сети всех подряд, то есть абсолютно ни в чем не виновных. Но есть же и честные прокуроры и судьи, и в те времена таковых было большинство. Юристы Франкфуртского совета, у которого Кнаррпанти потребовал арестовать Перегринуса, познакомившись с абсурдными обвинениями, ему справедливо отказали. «Они (то есть правоведы) изрекли, что в обвинительном акте не хватает одного, именно *corpus delicti* (состава преступления); но мудрый советник Кнаррпанти продолжал твердо стоять на своем, говоря, что плевать ему на *delictum*, иметь бы только в руках самое *corpus* (тело), ибо *corpus* и есть опаснейший похититель и убийца, господин Перегринус Тис» [2, с. 421]. Важно побольше арестовать, а обвинить можно кого угодно, и он очень гордился этим своим умением. Заключалось же оно в особом способе толкования искусно выбранных из контекста слов, произвольно, как он считал, выдающих намерения говорящего или пишущего. Так, в конфискованных по его требованию бумагах Перегринуса нашел он юношеский дневник, и в нем в одном месте значилось: «Есть что-то высокое и прекрасное в этом Похищении». Ну разве напрасно обвиняет он Перегринуса в похищении принцессы?

Однако такие аргументы на франкфуртских юристов не произвели ни малейшего впечатления, поскольку депутат открыл компрометирующий дневник и прочел: «Сегодня в двадцатый раз смотрел я Моцартову оперу "Похищение из сераля", и все с тем же восторгом. *Есть что-то высокое и прекрасное в этом Похищении*» [2, с. 420].

И допрос Кнаррпанти строил аналогичным образом. Его вопросы преимущественно «были направлены на то, чтобы выведать, о чем думал Перегринус как вообще всю свою жизнь, так, в частности, при тех или других обстоятельствах, например при записывании подозрительных слов в свой дневник» [2, с. 422].

Но поняв, что в данном случае ни таланты его, ни проявленное усердие признанию вины Перегринуса не способствуют, Кнаррпанти рассудил так: «Да здравствует искусство бросать черную тень на самые безобидные вещи! Таким даром наделила меня природа, и в силу его я разделяюсь с моими врагами, а сам продолжаю благоденствовать. Меня потешает, что совет диву дается на мое рвение к раскрытию всей истины, тогда как я думаю толь-

ко о себе и рассматриваю все дело как средство усилить свое влияние при дворе и получить возможно больше похвал и денег. Пусть даже ничего из этого не выйдет, и все-таки никто не скажет, что мое усердие пропало даром, а скорее уж найдут, что я был прав, приняв все меры к тому, чтобы помешать этому плуту Перегринусу Тису впоследствии действительно похитить уже похищенную принцессу» [2, с. 423].

Неудивительно, что жажда мести Карла фон Кампца Гофману была неукротима.

А нужно ли для понимания сути такого человека, как директор полиции К. фон Кампц, волшебное микроскопическое стекло, которое помогло Перегринусу прочесть мысли своего мучителя? Гофман, как мы видим, обошелся в этом безо всякой помощи Мастера Блохи.

Философия взаимоотношений мысли, слова и поступка — фундаментальная проблема юриспруденции — находится в центре внимания автора вовсе несказочной сказки «Мастер Блоха». Мысли и слова могут совпадать, но могут очень далеко отстоять одно от другого. Видеть за словами подлинными мыслями чрезвычайно полезно, это надо уметь. Простодушному и прямому Перегринусу дар Мастера Блохи, научившего его этому искусству с помощью волшебного блошиного микроскопа, очень помог освоиться в обществе и приобрести необходимый опыт. Благодаря возможности читать мысли в мозгу собеседников, «много... разительных противоречий между словами и мыслями привелось наблюдать Перегринусу» [2, с. 422]. Как человек обстоятельный, он даже завел специальный дневник, заносив в него те удивительнейшие и забавнейшие контрасты между словами и мыслями, с которыми сталкивался ежедневно. Так, например, фразе «Не откажите мне в вашем совете» соответствовала мысль: «Он достаточно глуп, думая, что мне действительно нужен его совет в деле, которое мною уже решено, но это льстит ему!» [2, с. 411].

Но даже имея микроскоп, Перегринус иногда попадал в затруднительные ситуации, общаясь с «женщинами-писательницами» и молодыми или не очень людьми, наделенными энтузиастически-гениальными душами, которые выражались красивее и мудрее всего, хотя и абсолютно непонятно. «Он увидел у них странное переплетение жилок и нервов, но тут же заметил, что как раз при самых красноречивых разглагольствованиях их об искусстве, науке, вообще о высших вопросах жизни, эти нервные нити не только не проникали в глубь мозга, но, напротив, развивались в обратном направлении, так что не могло быть и речи о ясном распознании их мыслей. Он сообщил это наблюдение Мастеру Блохе, который выразил свое мнение, что принимаемое Перегринусом за мысли было вовсе не мыслями, а только словами, тщетно старавшимися стать мыслями» [2, с. 426]. (Видимо, Гофман имеет здесь в виду те романтические натуры, что окружали его в немалом числе.)

Случались и такие ситуации, когда даже волшебство блошиного микроскопа оказывалось бессильным: увидеть, а тем более понять, сложнейшее сплетение мыслей не смог бы микроскоп, имей он во много-много раз более сильное разрешение: «Как и всегда, Перегринус увидел за роговой оболочкой глаз странное сплетение нервов и жилок, уходивших в самую глубь мозга. Но в этом сплетении извивались еще блестящие серебряные нити, в

добрую сотню раз более тонкие, чем нити самой тончайшей паутины. Они казались бесконечными, ибо тянулись из мозга в какую-то область, не доступную созерцанию даже микроскопического глаза, и, будучи, быть может, мыслями высшего порядка, вносили путаницу в мысли более простые и уловимые» [2, с. 416].

Оценивая все, что с ним случилось, Перегринус начинает понимать, что примитивные мысли и без чудесного прибора ясны из примитивных поступков и что нет ни малейшего удовольствия созерцать без конца всю эту мелочную низменность недалеких людей. «Как? — рассуждал он сам с собой, — разве человека, испытывающего сокровенные мысли своего ближнего, не постигнет, как следствие этого рокового дара, ужасная участь вечного жида, который скитается по пестрому миру, как по негостеприимной, безутешной пустыне, без надежды, без горя и без радости, в тупом равнодушии этой *sarut mortuum* отчаяния?.. Возможно ли, чтобы недоверие, злостная подозрительность, ненависть, мстительность не свили себе гнезда в душе и не истребили бы в ней всех следов воистину человеческого начала, выражающегося в сердечной доверчивости, кротости и добродушии?» [2, с. 474].

Перегринус понял, что микроскоп в общем-то ему не нужен, даже вреден. И действительно, возникшая у героя привычка чуть не разрушила счастье его жизни, едва не лишила его подлинной любви, но он вовремя остановился: «Как? — сказал он себе, — ты, грешный, дерзаешь проникнуть в небесно чистое святилище этого ангела? Ты хочешь выведать мысли, которые не могут иметь ничего общего с презренными деяниями пошлых душ, пекущихся лишь о земном? Ты хочешь надругаться над самым духом любви?» [2, с. 470—471]. Есть ситуации, где малейшее подозрение в расхождении между словами и мыслями оскорбительно. Такова любовь!

Розочка Лэммерхирт безо всякого микроскопа в то же мгновение уловила мимолетное сомнение его. «Он поднял глаза, и чистая небесная лазурь прекрасных очей засияла ему в душу. Розочка, хорошо заметив его внутреннее движение, посмотрела на него удивленным и даже несколько озабоченным взглядом» [2, с. 475]. Конечно же, всеведущая любовь ее простила его. Их ждало бесконечное блаженство и счастье.

А нам остается сделать вывод: проникать государству в мысли подданных не только бесполезно, но вредно. Жизнь их говорит сама за себя. Любовь же между государством и гражданами, подобная любви Перегринуса и Розочки, невозможна: государство и отечество — бесконечно разные вещи. Чтобы понять это, не надо читать Канта.

Список литературы

1. Гарденберг Ф. фон (*Новалис*). Вера и любовь, или король и королева // Эстетика немецких романтиков. М., 1987.
2. Гофман Э.Т.А. Повелитель блох // Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М., 1962.
3. Гофман Э.Т.А. Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1991.
4. Гофман Э.Т.А. Анекдот о Фридрихе Людвиге Яне // Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 2011.

5. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1796 // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965.
6. Кант И. О поговорке «может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965.
7. Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? // Трактаты. Рецензии. Письма / под ред. Л.А. Калиникова. Калининград, 2009.
8. Э.Т.А. Гофман. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / сост., автор предисл., послесл. и вступ. текстов к разделам Клаус Гюнцель; пер. с нем. Т. Клюевой. М., 1987.
9. Hoffmann E.T.A. Erklärung zum "Meister Floh" // Meister Floh. Stuttgart, 1970.

Об авторе

Калининков Леонард Александрович – д-р филос. наук, проф. кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта, kant@kantiana.ru

About author

Prof. Leonard Kalinnikov, Department of Philosophy, Faculty of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru